

«Железный занавес: разрушение Восточной Европы в 1944-1956 годах» |

Автор: Андре Либих (пер. Н. Сикорской), [Женева](#) , 12.12.2014.

Европа после Второй мировой войны

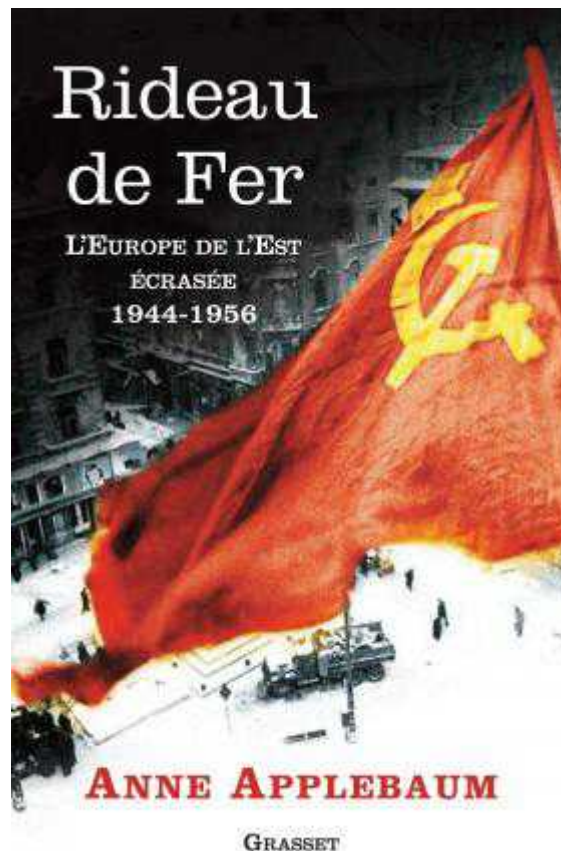
Так называлась бы по-русски книга американской журналистки Энн Аппельбаум, вышедшая в 2012 году, будь она переведена с английского *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe 1944-1956*. Пока же она появилась во французском варианте под заголовком «*Rideau de fer, l'Europe de l'Est écrasée, 1944-1956*». Свое мнение о ней высказал швейцарский историк.

Энн Аппельбаум известна, как автор книги "Gulag: A History" (во французском переводе «*Goulag : une histoire* », в русском «ГУЛАГ: паутина большого террора», 2006), за которую она была удостоена Пулитцеровской премии, самой престижной

литературной премии США. «[Железный занавес](#)» в своей оригинальной версии тоже получил свою долю успеха, хоть и менее громкого: премия Кандилла в Канаде, серебряная медаль Артура Росса Совета по международным отношениям в Нью-Йорке и, как ни странно, медаль герцога Вестминстерского за военную литературу.

Существует связь между книгой о Гулаге, эмблематическом институте сталинской эпохи, даже если этой эпохой он не ограничивается, и новой работой, касающейся сталинского периода в Восточной Европе, в первую очередь в трех странах: Польше, Венгрии и Восточной Германии. Аппельбаум нарочно подчеркивает эту связь, по ее мнению, опыт этих стран «дает нас больше сведений о вывертах тоталитарного сознания, о советских приоритетах и образе мыслей, чем любое исследование советской истории как таковой» (стр. 35). Таким образом, при работе над книгой автор стремилась «познать ум тоталитаризма» (стр. 38). Такая позиция отсылает Аппельбаум к парадигме, доминировавшей в период Холодной войны, но суровой оспариваемой в более современной историографии. При этом автор уверенно отстаивает свой выбор. Она нетерпеливо отбрасывает «ревизионистские» тезисы, согласно которым более суровая политика, навязанная Восточной Европе в 1947 и 1948 годах была, прежде всего, реакцией на Холодную войну. Она проявляет нетерпение в отношении «классической» литературы, которая различает три этапа захвата власти коммунистами в регионе: «первый «либеральный» период был далеко не таким либеральным, каким он мог показаться ретроспективно», - предупреждает она (стр. 28). Согласно Аппельбаум, с самого начала нацистского вторжения в СССР в 1941 году, советские власти начали осуществление проекта коммунистической трансформации Восточной Европы (стр. 27).

Иронично, что сама книга опровергает тезис автора. В ней живо описаны хаос и разруха, которые царили в Восточной Европе после Второй мировой войны. Автор говорит о грабительской лихорадке, об институциональном крахе, сопровождавшем крах моральный в такой степени, что архивные записи не в состоянии отделить уголовное насилие от политического. Она признает ощущение - со страхом у одних, с надеждой у других - ожидания третьей войны, войны западных союзников против Советского союза, в которой Восточная Европа снова стала бы полем сражения. Одним словом, условия были не благоприятные для установления монолитного и ультра-дисциплинированного режима, как того требует теория тоталитаризма. И, действительно, по ходу действия книги автор показывает нам сопротивление - назревающее, пассивное, но упорное - тоталитарному проекту. Ласло Райк, венгерский министр внутренних дел, за трехдневных срок запрещает 1500 организаций (стр. 231). Это не помешало взрыву венгерского восстания несколькими годами позже, восстания, отправной точкой которого - верх иронии - стала церемония памяти Райка, ставшего за этого время жертвой сталинских чисток и одновременно национальным мучеником. Аппельбаум завершает свою книгу заявлением: «тоталитаризм не прошел, как задумывалось, в Восточной Европе, как он не прошел нигде и никогда» (стр. 574).

С некоторым удивлением Аппельбаум констатирует иллюзии и энтузиазм, которые новые режимы возродили у меньшинства населения. «Как бы ни было нам тяжело это понять, но коммунисты тоже верили в свою доктрину», - говорит она. Отвернувшись от бывших вождей, часть населения соблазнилась новым проектом перестройки общества после страшной войны, и даже далекие от политики люди поддержали их, не протестуя. Аппельбаум с отвращением напоминает о «довольно уродливом бюрократическом выражении *awans społeczny*», обозначающем социальное продвижение или социалистический вариант позитивной дискриминации. (Стр. 396, орфографическая ошибка здесь и на стр. 508 явно не вина автора, прекрасно владеющего польским языком.) Однако именно эта политика позволила низшим слоям общества той эпохи подняться до более достойного статуса. Сложно следовать за автором и когда она упоминает «коррупцию в многочисленных формах» (стр. 487). Конечно, коррупция была, но приводимые ею примеры, например, то, что «хорошо оплачиваемые должности и шикарные виллы, предоставленные знаменитым писателям и артистам» (стр. 487), не убеждают.

Если тезисы автора повторяют хорошо известные постулаты, то книга в целом отличается живостью стиля и богатством анекдотических подробностей. Именно в этом ее сила, гораздо больше, чем в использовании новых документов и интервью, которые автор выставляет на первый план. Она честно признается, что «в исторических документах я искала доказательства намеренного уничтожения гражданского общества» (стр. 38), а такое заявление не внушает доверия к объективности ее исследования. В многочисленных интервью, порой со знаковыми личностями эпохи, автор вкладывает в уста героев то, что хочет услышать. Какой контраст с интервью, мужественными и просветительскими, собранными Терезой Торанска в ее классической книге «Они: сталинские поляки объясняются». Аппельбаум заставляет свои источники говорить то, что они не говорят (стр. 330). И возмущается, что в мультфильме, обожаемом маленькими поляками, главный герой –

симпатичный козлик – раньше глядевший на королевский замок и шпиль церкви, после войны видит лишь Дворец культуры, сталинский небоскреб (стр. 391). Причина проста: королевский замок уже не существовал, а Дворец был, в течение определенного периода, самым высоким зданием в Европе.

Польша – это страна, которую Энн Аппельбаум знает лучше других – частично это объясняется тем, что с 1992 года она замужем за бывшим министром иностранных дел Польши Радославом Сикорским. Кстати, первым ее сочинением была книга польской кухни. Соседние вряд ли положительно оценят упоминание ею «польских территорий, которые до сих пор являются частью Украины и Белоруссии» (стр. 26). Она с легкой иронией отзывается о «Союзах изгнанных», германской общественной организации, в которую входили региональные объединения лиц, депортированных из провинций, потерянных в пользу Германии в 1945 году. Для нее «желание восточно-европейцев отомстить немцам ... было понятно, и даже оправданно, даже если не всегда справедливо» (стр. 177). О польско-украинском конфликте – «здесь не место обсуждать, кто прав, кто виноват» (стр. 188), но занятая ею позиция не удовлетворила бы украинских историков. Наконец, по еврейскому вопросу в Восточной Европе после войны – «эмоциональное минное поле» (стр. 195) – она выражается сдержанно. Отвечая тем, кто доказывает причастность Польши в антисемитских актах, она отсылает читателя к статье, критикующей этот тезис (стр. 205).

Таким образом, Энн Аппельбаум придерживается традиционных историографических перспектив, игнорируя, что историография, в Польше как и везде, эволюционировала. Взгляд, в коммунистическую эпоху допускавший только две позиции – героизм одних и предательство других – устарел. Молодые ученые, историки и социологи, такие как Дариуш Ярош и Марсин Заремба изучают вопрос приспособления общества в период коммунизма, явление гораздо более широкое, чем только сопротивление и репрессия. Еще в 1997 году американский историк Падраик Кенни настаивал на имевшейся у польских рабочих возможности повернуть систему в свою пользу и ставил под сомнение способность государства диктовать свою политику в области социальных отношений. Аппельбаум несколько раз цитирует Кенни, но остается глухой к приводимым им аргументам.

Шестисотстраничная книга непременно содержит ряд ошибок. Советский дипломат Иван Майский никогда не был министром иностранных дел (стр.29). О преступлении в Катыни нацисты сообщили в 1943 году, а не в 1941-м (стр. 144). Немецкие военнопленные вернулись из СССР в 1956 году, а не в шестидесятых (стр. 166). 22 июля является не днем создания польской Объединенной рабочей партии (стр. 445, партия была создано в декабре 1948-го), но датой Люблинского манифеста 1944 года, положившего начало народно-демократической Польше. Удивительный ляпсус, ведь в течение почти пятидесяти лет этот день был национальным праздником. Действительно, французская историография на тему, поднятую в книге, не очень богата, но странно, что в библиографии не фигурирует ни одно из французских исследований, даже классический труд Франсуа Фейто – лучшая работа о сталинском периоде в Восточной Европе.

Энн Аппельбаум – ангажированный журналист. В «Гулаге» она возмущалась тем, что советский режим не был осужден Западом наравне с режимом нацистским. Эта книга посвящена «европейцам, отказавшимся жить во лжи». Она завершает, заявляя, что «прежде чем восстанавливать нацию, граждане должны сначала понять, как она

была разрушена» (стр. 577). Это воинственная позиция не останавливается на периоде Холодной войны. Ведущий журналист газеты «Вашингтон пост», Аппельбаум выступает сегодня против того, что она считает мягким отношением к России: «наша ошибка была не в унижении России, но в недооценке реваншистского, ревизионистского и смутьянского потенциала России». Для некоторых Холодная война не закончилась.

От редакции: Андре Либих - почетный профессор Женевского Института международных отношений (HEID). Оригинальный текст его рецензии вы можете прочитать в его [блоге](#) на нашем сайте.

[Европа](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[Правда о рейсе MH17](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/cultura/18711>